

Нѣчто о разсказчикѣ.

Вотъ его собственные слова: жизнь моя съ самаго рожденія—безпріютная на землѣ; родился я въ деревнѣ. Орловской губерніи, послѣ отца и матери осталось насъ двое: я, да старшій братъ мой. Ему было десять, а мнѣ только два года; и дѣдушка взялъ насъ на пропитаніе; онъ держалъ постоянный дворъ на большой дорогѣ, и былъ человѣкъ зажиточный. Стали мы у него жить; братъ мой былъ рѣзвый и все бѣгалъ по деревнѣ, а я около дѣдушки,—по праздникамъ ходилъ съ нимъ въ церковь, и дома слушалъ, какъ читалъ онъ Библію. Братъ же, подростая, испортился, приучился пить вино. Мнѣ еще было семь лѣтъ; и однажды лежалъ съ нимъ на печи, откуда онъ столкнулъ меня, и съ тѣхъ поръ лѣвая рука моя повредилась, вся высохла и не стала владѣть. Такъ остался я калѣкой на всю жизнь.

Дѣдушка, видя, что я къ сельскимъ работамъ не буду способенъ, сталъ учить меня грамотѣ; а писарь, который у насъ часто останавливался, давалъ мнѣ бумаги и чернилъ и показывалъ, какъ писать. Такъ я и писать научился; и дѣдушка былъ очень радъ, особенно, когда плохо сталъ видѣть, и я читалъ ему Библію. Наконецъ, мнѣ уже стало семнадцать лѣтъ; бабушка моя померла, и дѣдушка сталъ мнѣ говорить: вотъ нѣтъ у насъ въ домѣ хозяйки; Минутка, твой братъ, спился, и я хочу женить тебя. Я отказывался,

представляя свое увѣчье; но дѣдушка настоялъ на своемъ, и меня женили, выбрали невѣсту степенную, добрую, двадцати лѣтъ. Прошелъ одинъ годъ, и дѣдушка сдѣлался боленъ при смерти; сталъ со мной прощаться и говорить: вотъ тебѣ домъ мой и все наследство, и денегъ тысяча рублей; живи и молись Богу, да поминай насъ со старухой; подавай нищимъ и Божиимъ церквамъ и, кромѣ Бога, ни на что не надѣйся. — И умеръ, и похоронили его. Брату стало завидно, и до того онъ сталъ злиться на меня, что даже хотѣлъ убить, но успѣлъ сдѣлать только вотъ что: въ одну ночь онъ подломилъ замокъ, вытащилъ изъ сундука деньги и поджегъ чуланъ. Мы проснулись, когда уже весь домъ занялся огнемъ, — едва сами выскочили, въ чемъ спали; но я успѣлъ захватить Библию, которая лежала подъ головой. Итакъ, все имущество наше сторѣло; а братъ скрылся безъ вѣсти, и мы уже послѣ узнали, когда онъ началъ пьянствовать и хвалился, что онъ и деньги унесъ и домъ спалилъ.

Остались мы наги и босы, хуже нищихъ. Кое-какъ, да и то все въ долгъ, поставили себѣ хижинку и стали жить бобылями. Жена моя была мастерица ткать, прясть, шить: брала у людей работу, трудилась день и ночь, и меня кормила; а я и лаптей сплести не могъ. Бывало, сидитъ и шьетъ она, а я около нея читаю Библию; посмотрю и спрошу ее: о чемъ же ты плачешь? — и отвѣтитъ: мнѣ умирительно, какъ хорошо все сказано. Была у насъ и охота къ молитвѣ: утромъ читали акаѳистъ Матери Божіей, а вечеромъ клали по тысячѣ поклоновъ, чтобъ не искушаться. Итакъ, спокойно жили мы два года; а тутъ жена вдругъ занемогла горячкою и, причастившись, въ девятый день скончалась. Остался я одиноконекъ; дѣлать съ одной

рукой ничего не могъ: пришлось хоть по міру ходить, а просить милостыню совѣтно. Къ тому же напала на меня такая грусть, что не зналъ, куда дѣваться; бывало, приду въ избу, увижу хоть платишко покойницы, такъ и взвою. И такъ, не могъ я перенести тоски и жить дома; а потому и продалъ хижину свою за двадцать рублей; одежду жены роздалъ по нищимъ. Дали мнѣ, калѣкѣ, и увольнительное свидѣтельство; взялъ я Библію и вышелъ изъ дома: пойду, думаю, поклонюсь Кіевскимъ угодникамъ Божиимъ, попрошу ихъ помощи въ скорби моей. И съ тѣхъ поръ вотъ уже странствую тридцать лѣтъ.

Можно ли молиться непрестанно?

Мысль эта постоянно меня занимала: непрестанно молитесь и, какъ говоритъ Апостоль, всегда радуйтесь (1 Сол. 5, 16, 17).— Да какъ же это можно непрестанно быть на молитвѣ? и въ нашей ли волѣ—всегда радоваться? Но растолковать этого никто мнѣ не могъ, пока не догналъ я подъ вечеръ одного старичка, по виду, будто изъ духовныхъ. На вопросъ мой сказался, что онъ схимонахъ изъ пустыни, которая верстахъ въ десяти отъ большой дороги, и звалъ меня зайти въ ихъ пустынь, а мнѣ что-то не хотѣлось. Но желаніе, не разрѣшить ли этотъ моего недоумѣнія, повлекло за нимъ, и я поспѣшилъ спросить: едѣлайте милость, батюшка, объясните мнѣ, что значитъ — непрестанно молиться, какъ Апостоль заповѣдуетъ намъ?— «Непрестанная молитва есть внутренняя», такъ началъ объяснять мнѣ старецъ: «она состоитъ въ призываніи имени Іисуса Христа то устами, то умомъ и сердцемъ.

Она выражается въ такихъ словахъ: *Господи Исусе Христе, помилуй мя!* Если кто навикнетъ сему призыванію, то будетъ ощущать великую радость и творить молитву эту будетъ безумолку, такъ что безъ молитвы ничего и дѣлать не захочетъ; даже, и спать когда будетъ, молитва въ сердцѣ сама будетъ совершаться». — «Бога ради, научи меня, какъ достигнуть сего!»—воскликнулъ я отъ радости. И онъ продолжалъ: «есть книга «Добротолюбіе», въ которой болѣе, чѣмъ двадцатью отцами изложена наука о непрестанной молитвѣ, наука,—*безъ труда и потовъ во спасеніе вводящая*, какъ выразился одинъ отецъ». И когда пришли мы въ пустынную обитель, взошли въ его келлію, гдѣ и читалъ онъ мнѣ объ этой молитвѣ изъ «Добротолюбія». и мы просидѣли всю ночь, — такъ, не спавши, и пошли къ утрени. И я все молился, чтобы Богъ помогъ мнѣ научиться внутренней непрестанной молитвѣ.

Думалъ я, гдѣ бы мнѣ поселиться на лѣто, чтобы ходить къ старцу и пользоваться его наставленіемъ; и, къ счастію моему, за четыре версты отъ пустыни, въ деревнѣ, нанялся я у мужика жить на огородѣ, въ шалашѣ, караульщикомъ. Здѣсь прилежно занялся я сердечною молитвою, и вначалѣ какъ будто дѣло и пошло; потомъ нашла скука, лѣнность, сонъ, и разные помыслы тучею надвинулись на мою душу,—тягость сдѣлалась невыносимая. Со скорбію пришолъ я къ старцу и разсказалъ, въ какомъ я положеніи; а онъ съ любовію заговорилъ: «видно, тебѣ рано еще искать сердечнаго входа, чтобъ не погрузиться въ діавольскую прелесть—гордость и самолюбіе, и не сказать: богатъ есмь, и ничтоже требую» (Апок. 3, 17). И тотчасъ изъ «Добротолюбія» началъ читать слово Никифора монаха: «если, и много потрудившись, не воз-

можешь войти умомъ внутрь сердца, то сдѣлай сіе: знаешь, что способность говорить у всякаго человѣка есть въ груди его и тогда, когда уста молчатъ. Вотъ и принудь себя постоянно внутри взывать: Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя! Когда будешь такъ дѣлать, не принимая въ умъ никакой мысли, тогда и сердце отверзется для принятія ума внутрь себя. Это дознано опытомъ».

Съ радостію я принялъ такое наставленіе и пошелъ въ свое мѣсто. Старецъ далъ мнѣ четки и велѣлъ совершать стоя, сидя и лежа по три тысячи молитвъ въ день, не спѣшно произнося: Господи Иисусе Христе, помилуй мя. Умомъ же всегда представлять Его присутствующимъ близь себя. — Два дня мнѣ было трудно такъ упражнять себя въ молитвѣ и чуждаться всякой мысли; а потомъ сдѣлалось легче, и явилось какое-то понужденіе творить молитву, которая стала и произноситься удобнѣе, не какъ прежде. Послѣ, когда объявилъ я старцу, что привычка мнѣ помогла совершать легко три тысячи молитвъ въ день, онъ велѣлъ удвоить. И вотъ я цѣлую недѣлю каждодневно произносилъ Иисусову молитву по шести тысячъ, не обращая вниманія ни на какіе помыслы, — и что жѣ? такъ къ ней привыкъ, что, если и на короткое время перестану, то чувствую, какъ будто чего-то не достасть. Начну молитву, и опять сердце спокойно; когда встрѣчусь съ кѣмъ, то и говорить не охотно могу; все бы находился одинъ и творилъ бы одну молитву. Такъ я привыкъ къ ней и полюбилъ ее!

Прошло десять дней, и старецъ самъ пришелъ навѣстить меня: я ему объяснилъ свое состояніе; а онъ велѣлъ мнѣ удвоить число молитвъ и чрезъ каждыя двѣ недѣли приходитъ къ нему на совѣтъ. На первый

день едва успѣлъ я кончить новое правило уже въ поздній вечеръ и почувствовалъ усталость языка, а въ нѣбѣ рта легкую боль. На другой день одеревенѣлъ палецъ у лѣвой руки, которой перебиралъ четки, и заболѣла кисть до локтя. Такъ прошло дней пять, и я рано пробудился, молитва меня разбудила; я чувствовалъ, что языкъ мой безпрестанно шевелился, и сдержать его уже нѣтъ силъ. Сталъ читать утреннія молитвы и съ трудомъ ихъ могъ говорить; а когда началъ Иисусову молитву, языкъ и уста сами выговаривали безъ всякаго понужденія. Весь день я провелъ въ духовной радости и съ легкостью окончилъ двѣнадцатъ тысячъ молитвъ въ ранній вечеръ. Хотѣлось и еще творить молитву, но не рѣшился нарушить приказаніе старца. Такимъ образомъ и въ прочіе дни продолжалъ я призывать имя Іисуса Христа по влеченію, съ легкостію и сердечною охотою. Потомъ пошелъ и подробно объявилъ все старцу; а онъ велѣлъ творить молитву безъ счета.

Принявши такое благословеніе, я все лѣто проводилъ въ безмолвной Іисусовой молитвѣ, и былъ очень покоенъ; помыслы совсѣмъ утихли, и я ни о чемъ не думалъ, какъ только о молитвѣ. Умъ мой самъ собою началъ углубляться въ сердце, и по временамъ я ощущалъ теплоту въ немъ и чудное утѣшеніе. Во снѣ часто случалось, что сердцемъ творю молитву; а днемъ, когда встрѣчался съ кѣмъ, всѣ безъ-извѣтія казались мнѣ такъ любезны, какъ будто родные, хотя и не знакомился съ ними. Бывало, стоишь въ церкви, и длинная монастырская служба кажется коротка, и не была, какъ прежде, утомительна. А уединенный шалашъ мой представлялся великолѣпнымъ чертогомъ, и я не зналъ, какъ Бога благодарить, что Онъ послалъ мнѣ такого

старца и чрезъ него такую милость. Но не долго я пользовался наставленіемъ богомудраго и любезнаго моего отца: въ концѣ лѣта онъ скончался. Со слезами я съ нимъ простился, отъ души поблагодарилъ его за ученіе меня, убогаго и нищаго, и выпросилъ на благословеніе четки, съ которыми онъ молился. Итакъ, опять остался я одинъ. Наконецъ, и лѣто прошло, и изъ огорода убрали, и мнѣ стало жить негдѣ, и пошелъ я странствовать, какъ и прежде: но уже, не съ нуждою: молитва Иисусова веселила меня на пути, да и люди все стали для меня добрѣе,—точно они обновились въ любви.

Однажды пришло мнѣ на мысль, куда дѣвать мнѣ деньги, которыя я получилъ за лѣто,—а ихъ было два рубля,—и на что мнѣ они? Но постой! думаю, старца теперь не стало, учить меня некому; дай куплю «Добротолубіе», да и стану по нему учиться внутренней молитвѣ, которая бываетъ въ сердцѣ. Дошелъ до города, спросилъ, что стоитъ такая-то книга: просятъ три, а у меня только и есть два рубля. Поторговался, но купецъ не уступилъ, а только сказалъ, спаси его Божь: «вонъ къ церкви той поди, тамъ у старосты есть старенькая такая книга; можетъ, онъ уступить тебѣ и за два рубля». И дѣйствительно, купилъ я за два рубля ветхое, все избитое «Добротолубіе», но какъ обрадовался я несказанно этому новому учителю! Починилъ его, кое-какъ собравъ, и сшилъ все листки крѣпко и положилъ въ сумку въ мѣстѣ съ Библией. Иду и творю молитву: и вотъ что дивно мнѣ,—замѣчаю, отъ нея бываетъ: когда прохватитъ меня холодъ, и я сильнѣе твержу: Господи Иисусе Христе, помилуй мя,—и скоро отъ чего-то. Богъ знаетъ, весь согрѣюсь. Также борюсь и съ голодомъ; или болѣзнь

застигнеть, ломота поднимется въ ногахъ, спишь,— какъ начну внимать молитвѣ, и боли уже не слышу. Оскорбитъ ли кто, усладительная Иисусова молитва и тутъ поможетъ мнѣ, приведетъ въ забвеніе всякую обиду и изъ всякаго врага сдѣлаетъ мнѣ друга и благодѣтеля: такъ это чувствуется въ сердцѣ. И одному Богу извѣстно, что такое со мною дѣлается: я и самъ себя удивляюсь: въ душѣ своей я сталъ, какъ глухенькое дитя, и нѣтъ у меня ни о чемъ заботы, ни что меня не занимаетъ, ни на что бы суетливое и неглядѣлъ я, но все бы въ уединеніи занимался одною молитвою. А когда занимаетъ мой умъ и вмѣщается въ сердце мое имя Христово, мнѣ бываетъ очень весело. Вотъ теперь только ясно я понимаю, что значить изреченіе Апостола: всегда радуйтесь, непрестанно молитесь (1 Сол. 5. 16. 17)!

Долго я странствовалъ по святымъ мѣстамъ, вездѣ мнѣ сопутствовала молитва Иисусова; она ободряла меня во всѣхъ опасныхъ случаяхъ и утѣшала, когда встрѣчали меня и скорби. Наконецъ, сталъ я чувствовать, что лучше бы гдѣ-нибудь остановиться, какъ для удобнаго изученія „Добротолюбія,“ такъ и для навыка постоянно углубляться умомъ въ сердце. Ибо я начиналъ уже чувствовать, какъ молитва сама собою переходитъ иногда въ сердце, и при всякомъ біеніи его произносятся сами собою слова въ немъ, напримѣръ: при первомъ ударѣ слышится: Господи, при второмъ: Иисусе, и такъ далѣе. Поэтому я пересталъ уже произносить языкомъ сію молитву, а прилежно только внималъ, какъ говорить сердце; и притомъ умомъ своимъ взиралъ внутрь его. И какъ это было пріятно! Хотя и ощущалъ я духовную болѣзнь внутри себя, сопровождаемую воздыханіемъ неизглаголаннѣмъ: но въ сердцѣ

такую чувствовалъ любовь къ Иисусу Христу, что, кажется, если бы я гдѣ Его увидѣлъ, кинулся бы къ Его ногамъ и, сладко лобызая, не отпустилъ бы ихъ отъ устъ своихъ. Такъ утѣшительно мнѣ было видѣть Его умомъ своимъ и слезно благодарить, что Онъ явилъ такую милость грѣшному Своему созданію! Отъ этой ли горячей любви къ Богу или отъ иного чего, по временамъ стала у меня являться какая-то благотворная теплота въ сердцѣ и распространяться по всей груди, что и обратило меня къ прилежному чтенію „Добротолубія“, дабы повѣрять по ученію отцевъ ощущенія мои; ибо безъ повѣрки я опасался, какъ бы не впасть въ прелесть, принявъ естественныя дѣйствія за благодатныя, какъ я слышалъ отъ покойнаго старца. Для того, чтобы имѣть время на чтеніе „Добротолубія“, я шелъ болѣе по ночамъ, а дни проводилъ въ лѣсу, гдѣ подъ вѣтвистыми деревьями сидѣлъ, какъ бы въ раю, когда углублялся умомъ въ изреченія премудрыхъ отцевъ. Ахъ, сколько новаго, сколько дивнаго и доселѣ недовѣдомаго открыло мнѣ это чтеніе! Уражняясь въ немъ, я вкушалъ такую сладость, какой до сего времени и вообразить не могъ!

Но, вѣрно, я не въ мѣру вкушалъ духовнаго меда и некалъ себя сердечной уследы безъ должнаго смиренія; это подтверждалось даже тѣмъ, что я видѣлъ во снѣ моего старца, который заботливо склонялъ несмысленную душу мою къ самоуничиженію и смиренію. А подъ конецъ лѣта начали постигать меня и жестокія искушенія — именно: однажды вечеромъ нагнали меня два человѣка и стали требовать денегъ; я отозвался тѣмъ, что у меня ихъ нѣтъ. „Врешь“, закричалъ одинъ: „странники много набираютъ денегъ.“ И хватъ по головѣ дубиной, и я упалъ безъ памяти. Не знаю,

долго ли я лежалъ, но, очнувшись, увидѣлъ, что я весь раздерганъ и сумки моей нѣтъ за плечами. Всталъ я кое-какъ и горько заплакалъ, не столько отъ головной болѣзни, сколько о томъ, что лишился книгъ моихъ, драгоценнаго моего сокровища, котораго я и не думалъ уже нажить. Лишился я, несчастный, Библии, которую съ малыхъ лѣтъ читалъ, и того „Добротолубія“, изъ котораго такъ много почерпалъ и вразумленія и утѣшенія! Лучше бы думалъ я, малодушный, совсѣмъ меня убили,—какъ я останусь безъ духовной пищи. Два дня едва я передвигалъ ноги, изнемогая болѣе отъ горя; а на третій выбился изъ силъ, свалился подъ кустъ и заснулъ. И вотъ вижу во снѣ: будто я у старца въ пустынѣ оплакиваю свое горе; а онъ, утѣшая, говоритъ мнѣ: «это тебѣ урокъ, чтобы не имѣть пристрастія къ земнымъ вещамъ, для удобнѣйшаго шествія къ небу. Это попущено, чтобы ты не впадалъ въ сладострастіе духовное. Ободришь и вѣруй, что съ искушеніемъ дано будетъ и утѣшеніе съ избыткомъ. Обрадуешься ты вскорѣ гораздо болѣе, чѣмъ теперь скорбишь». И, дѣйствительно, чудно Богъ меня утѣшилъ; чрезъ три дня послѣ сего возвратилъ Онъ мнѣ и вещи мои. И какъ же это случилось!.. Видно, что всякое Божіе дѣло дивно!

Дня три еще путешествовалъ, но безъ скорби; молитва начала опять дѣйствовать въ сердцѣ. Вдругъ вижу, доходить до меня партія арестантовъ, и между ними двухъ человѣкъ, которые меня ограбили: они шли на краю, и я поклонился имъ въ ноги и убѣдительно сталъ просить, чтобы сказали, гдѣ мои книги. Сначала они молчали, а потомъ одинъ и сказалъ: дашь ли цѣлковый, такъ скажемъ, гдѣ твои книги? Я побожился, что дамъ; хотя ради Христа не прощу, а непременно отдамъ. Они сказали, что книги въ обозѣ везутъ за

этаномъ. Какъ же могу я получить ихъ?—Попроси капитана, который ведетъ насъ. Я поклонился капитану и разсказалъ, какъ было дѣло: а онъ говоритъ: этихъ воровъ вчера поймалъ одинъ ямщикъ, у котораго они хотѣли отнять тройку, и онъ ихъ стоялъ лошадыми. Пожалуй, я выдамъ твои книги, только иди на ночлегъ еще версты четыре. И въ тотъ же день отыскалъ и выдалъ мнѣ книги: далъ мнѣ еще рубль серебромъ на прохоть, и я расплатился съ моими, сказать можно, друзьями, которымъ на прощанье проговорилъ я такъ: „кайтесь и молитесь: Госнодь чело-вѣколюбивъ. Онъ, вѣдь, проститъ васъ.“

Ахъ! съ какою радостію увидѣлъ я мою Библію! съ какою любовію раскрылъ „Добротолубіе!“ Какъ будто увидѣлся съ роднымъ отцемъ, воскресшимъ изъ мерт-выхъ, или встрѣтился какъ бы съ другомъ, бывшимъ долго въ дальней сторонѣ. Я неоднократно лобызалъ мои книги и со слезами благодарилъ Бога, возвратившаго мнѣ ихъ. И когда я начиналъ молиться серд-цемъ, все окружающее меня представлялось мнѣ въ восхитительномъ видѣ: деревья, травы, птицы, земля, воздухъ, все какъ будто говорило, что это существуетъ для чело-вѣка, — все, все свидѣтельствовало Божію неизреченную любовь къ чело-вѣку. И я понялъ сказанное въ «Добротолубіи», что есть вѣдѣніе словесъ твари,— и узнавъ способъ, какъ всякая тварь воспѣваетъ и прославляетъ Бога.

Шелъ я въ Сибирской сторонѣ къ Святителю Иннокентію Иркутскому по лѣсамъ и стѣнямъ одинъ себѣ, и возжелалось уже очень мнѣ, гдѣ бы пожить на одномъ мѣстѣ, возложивъ, впрочемъ, все упованіе на Промысль Божій. И не долго ждать привелось мнѣ Божіей милости. Шелъ я проселочной дорогой и зашелъ въ

такое мѣсто, гдѣ дня три не попадалось ни одной деревни; сухари мои съѣлъ, и я гораздо приунылъ, какъ бы съ голода не умереть. Но вотъ, прошедши не много, какъ боязнь смерти напала на меня, увидѣлъ я возлѣ дороги, пролетавшей близъ огромнаго лѣса, впереди меня дворовую собаку; я поманилъ къ себѣ, и она подбѣжавши, начала ласкаться. Вотъ, подумалъ я, милость-то Божія, гдѣ и не ожидаешь ея! Непремѣнно въ этомъ лѣсу есть кто-нибудь. — видишь, это ручная собака. Повертѣвшись около меня и видя, что нечего взять у меня, — я и самъ другіе сутки уже, какъ поѣлъ, — собака завернулася, да и въ лѣсъ по узенькой тропинкѣ. Я за ней, прошелъ, быть можетъ, сажень двѣсти, и вотъ изъ-за толстаго дерева выходитъ худой, блѣдный мужикъ, среднихъ лѣтъ. Онъ спросилъ, — какъ я сюда зашелъ; а я спросилъ, — зачѣмъ онъ тутъ живетъ. И мы ласково съ нимъ разговорились; онъ объявилъ себя сторожемъ этого лѣса, купленнаго на срубку, завелъ меня въ свою землянку и предложилъ хлѣбъ-соль. — «Завидую я тебѣ», были слова мои, „что ты можешь такъ удобно жить въ одиночествѣ, не какъ я — толкаюсь межъ народомъ и скитаюсь съ мѣста на мѣсто». — «Есть охота», заговорилъ онъ, «такъ и ты, пожалуй, живи здѣсь; вонъ не далеко и землянка прежняго сторожа, хоть старая, но лѣтомъ еще можно жить. Паспортъ у тебя есть, а хлѣба для двоихъ достанетъ, мнѣ каждую недѣлю приносятъ изъ деревни; вотъ и ручеекъ, — показалъ рукою, — который никогда не пересыхаетъ. Я и самъ лѣтъ уже десять ѣмъ хлѣбъ только, да воду пью». — Выслушавъ это, я отъ радости готовъ былъ броситься въ ноги ему и не зналъ, какъ благодарить Господа за такую мнѣ милость. Итакъ, я остался жить въ указанной мнѣ землянкѣ.

Боже мой, — какую почувствовалъ я радость, какъ только переступилъ за порогъ этой пещеры, вѣрнѣе сказать, могилы, которая представилась мнѣ чертогомъ, исполненнымъ духовнаго утѣшенія и веселія! Съ умиленными слезами благодарилъ я Бога, ибо о чемъ скорбѣлъ, чего желалъ, то неожиданно получилъ теперь. Слава Тебѣ, Господи! — теперь вотъ я займусь моимъ «Добротолюбіемъ»! — ибо мнѣ хотѣлось узнать изъ него тотъ способъ, какъ происходитъ непрерывная самодѣйствующая молитва въ сердцѣ. Итакъ, началъ я со вниманіемъ изслѣдовать писанія двадцати четырехъ любовезмолвныхъ дѣлателей молитвы Іисусовой, и, по прочтеніи, увидѣлъ, — какая глубина святости и премудрости въ нихъ содержится! Прочиталъ разъ, прочиталъ и другой, и отъ сего чтенія распалилось въ душѣ моей усердіе, чтобы все прочитанное испытать на дѣлѣ. Прежде всего приступилъ я къ отысканію сердечной кѣлти; по наставленію Симеона, новаго Богослова, закрывъ глаза, смотрѣлъ умомъ своимъ внутрь себя, гдѣ находится сердце, и слушалъ его біеніе. По наставленію же Григорія Синаита, вмѣстѣ съ дыханіемъ вводилъ въ себя молитву Іисусову, то-есть, втягивая воздухъ, говорилъ: *Господи Іисусе Христе, а: помилуй мя, грѣшнаго* — произносилъ тогда, какъ выдыхалъ воздухъ. Сперва симъ занимался по часу и по два въ день: потомъ чѣмъ дальше, тѣмъ чаще, и, наконецъ, почти цѣлый день проводилъ въ этомъ занятіи. Чтеніе же «Добротолюбія» болѣе и болѣе располагало меня съ прилежаніемъ упражняться въ молитвѣ, такъ что весь умъ мой былъ занятъ только сѣю, и въ этомъ находилъ отраду и спокойствіе. Скоро началъ я чувствовать по временамъ разныя ощущенія въ сердцѣ и умѣ: иногда что-то уладительное кипѣло внутри меня, а на душѣ такая была

радость, легкость, свобода, что я весь измѣнялся и приходилъ въ восторгъ. Иногда возгоралась въ сердцѣ пламенная любовь къ Иисусу Христу и ко всему Божію созданію; тогда всякаго человѣка, кажется, я обнялъ бы и разцѣловалъ, и въ это время сами собою лились изъ глазъ сладкія слезы благодаренія Господу, милующему меня, окаяннаго грѣшника. Также замѣчалъ: такое дѣлалось просвѣщеніе разума, что легко я понималъ въ Библии и то, чего никакъ не могъ обдумать прежде, и размышлялъ о томъ, что никогда и въ умъ не приходило. Тогда мнѣ понятно стало, что такое есть потаенный сердца человѣкъ, что значитъ поклоняться Богу духомъ, или: Самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіями неизглаголаннѣми; также—и ходить предъ Богомъ, и облещись во Христа и дать Ему свое сердце, у котораго стоитъ Онъ и толчетъ, чтобы войти въ него и вечерять съ Нимъ. Все это сталъ разумѣть, и сокровенный смыслъ Божіихъ словъ мнѣ открылся во всемъ духовномъ свѣтѣ, который просвѣщалъ мою душу и озарялъ всякую мысль мою. Часто я съ глубокимъ умпленіемъ чувствовалъ всеприсутствіе Божіе, ощущалъ величайшую радость отъ призванія имени Иисуса Христа и познавалъ сказанное Имъ: царствіе Божіе внутрь васъ есть. Испытывая всѣ сіи и подобныя имъ дѣйствія Духа Утѣшителя, я замѣчалъ, что послѣдствія внутренней молитвы изображаются въ трехъ видахъ: въ духѣ, чувствахъ и разумѣ. Въ духѣ,—когда сладость Божіей любви, воспоминаніе Бога и внутренній покой веселитъ меня; въ чувствахъ,—когда сладостное волненіе сердца наполняетъ всю внутренность и разливается по всѣмъ членамъ, такъ что входитъ и въ самыя кости, какъ вода живая, по слову Пророка: и возрадуются кости смиренныя. Отъ сего вотъ и происходитъ легкость, бодрость въ

тѣлѣ, пріятность жизни, нечувствительность къ болѣзнямъ и скорбямъ. Наконецъ, еще бываетъ слѣдствіемъ молитвы потаеннаго въ сердцѣ человѣка дивное нѣкое просвѣщеніе ума, познаніе Божественнаго Писанія, отрѣшеніе отъ суеты, увѣреніе въ безсмертной жизни. И все это подается именемъ Іѳеуса Христа, все изливается отъ сего Источника вѣчной жизни.

Проведши мѣсяцевъ пять въ этомъ уединеніи, при чтеніи и молитвенномъ занятіи, я такъ привыкъ къ сердечной молитвѣ, что упражнялся въ ней безъ всякаго усилія: чувствовалъ даже, что она не прерывается у меня и во снѣ: азъ сплю, а сердце мое бдитъ, — не перестаетъ оно воспоминать Бога ни на малѣйшую секунду. Чтобы я ни дѣлалъ — шилъ, ѣлъ, ходилъ, дрова носилъ, — душа моя непрестанно благодарила Господа, и сердце истекало отъ непрерывной радости. Наконецъ, пришло время рубить лѣсъ, началъ собираться народъ, и я принужденъ оставить мое безмолвное жилище. Поблагодаривши лѣсовщика и помолвившись въ землянкѣ, я поцѣловалъ тотъ клочекъ земли, на которомъ Богъ удостоилъ меня такой великой милости, и, надѣвъ сумку съ книгами, пошелъ опять къ Иркутску. И продолжалъ я путь свой въ радости и питаніи сердца непрестанною молитвою. Боже мой! такъ думалъ я, какія таинства заключаются и въ самомъ человѣкѣ! какъ будто теперь я раздвоился, точно не одинъ я существую въ тѣлѣ моемъ, а живутъ два человѣка: одинъ — смертный, а другой — безсмертный. И живу я теперь не для себя уже, какъ было прежде, но живеть во мнѣ Христосъ. Возвеличился Ты, Господи Боже мой, во всѣхъ Своихъ дѣлахъ, и вся премудростію сотворилъ еси!

Молитва ко Господу нашему Исусу Христу.

Владыко Господи Исусе Христе Боже мой, Иже неизреченнаго ради Твоего чловѣколюбія, на конецъ вѣковъ въ плоть оболкійся отъ Приснодѣвы Маріи, славлю о мнѣ Твое спасительное промышленіе рабъ Твой, Владыко: пѣсно-словлю Тя, яко Тебе ради Отца познахъ: благословляю Тя, Егоже ради и Духъ Святыи въ міръ прииде: покланяюся Твоей по плоти Пречистѣй Матери, таковѣй страшнѣй тайнѣ послужившей: восхваляю Твоя ангельская ликостоянія, яко воспѣватели и служители Твоего величества; ублажаю предтечу Іоанна, Тебе крестившаго, Господи: почитаю и провозвѣстившыя Тя пророки, прославляю апостолы Твоя святыя: торжествую же и мученики, священники же Твоя славлю: покланяюся преподобнымъ Твоимъ, и вся Твоя праведники пѣстунству. Таковаго и толикаго многаго и неизреченнаго лика божественнаго въ молитву привожду Тебѣ всецедрому Богу рабъ Твой, и сего ради прошу мимъ согрѣшеніемъ прощенія, еже даруй ми всѣхъ Твоихъ ради святыхъ, изряднѣе же святыхъ Твоихъ щедротъ, яко благословенъ еси во вѣки, аминь.
